

УДК 271.22

Е.П. Тихонова

К ОПЫТУ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОНТОЛОГИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: ПРАВОСЛАВИЕ И ВЕКТОР НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В статье предпринята попытка герменевтического анализа онтологии русской культуры в контексте её религиозного самоопределения. В рамках авторского подхода определён социокультурный смысл крещения Руси как выбор православной веры, отождествляемой с новым мировоззрением, идеологией и основным вектором развития русской культуры. Особое внимание уделено исследованию культурных архетипов русской ментальности, ключевым из которых обозначена «кенотитическая» святость.

Ключевые слова: русская национальная культура, православие, традиция святости, исихазм, духовное подвижничество.

В настоящее время – в парадоксальной ситуации одновременного принятия и преодоления наследия атеизма первостепенное значение приобретает сохранение духовного ядра национальной русской ментальности – того первоисточника, из которого произрастает древо жизни народа – национальный дух, национальное самосознание и национальная культура. «Национальным менталитетом мы называем глубинные структуры культуры, определяющие на протяжении длительного времени ее этническое или историческое (эпохальное) своеобразие» [1. С. 43]. В русской истории онтологическую роль основания традиционной культуры выполняет православие, которое укореняет в русской душе и в характере народа вневременные идеалы Боголюбия, человеколюбия и правдолюбия.

История развития русской культуры соотнесена с эпохальным событием, которое изменило жизнь и мировоззрение древних русичей. Крещение государства православной верой включило Древнюю Русь в общий поток мировой истории и обозначило «осевое время» для русской культуры. Христианство способствовало осознанию единства человечества. Апостол Павел в Послании к Галатам писал: «Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса; Все вы, крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; ибо все вы одно во Христе Иисусе» [2. С. 242]. Вместе с сознанием равенства на Русь пришло сознание всеобщей истории человечества. Именно с этого эпохального момента каждое социокультурное и политическое событие Руси обретало свой неповторимый и судьбоносный смысл.

В исторической перспективе российская цивилизация формировалась синергетическим наложением различных социокультурных и политических векторов. В данной связи необходимо выявление ментальных предпосылок, сформировавших тип российской цивилизации. В традиционной интерпрета-

ции исторического бытия Русской земли (Н.А. Бердяев, Вл. С. Соловьев, Г.В. Вернадский, И.В. Кондаков) установлено понимание России как евразийской державы с православной идеологией византизма и ордынским военно-стратегическим централизмом. Русский философ Н.А. Бердяев высказал следующую мысль: «...противоречивость и сложность русской души связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории – Восток и Запад. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира» [3. С. 44].

В герменевтическом толковании в трудах академика Д.С. Лихачева и игумена Иоанна (Экономцев) Русь представлена не столько как Евразия, сколько как Скандославия. Не случайно Д.С. Лихачев говорил о том, что влияние азиатских кочевнических народов в оседлой Руси было ничтожно. Экономцев в работе «Православие. Византия. Россия» писал о том, что, «несмотря на географическую близость Запада, основной обмен идеями и людьми для восточнославянских племен на протяжении веков шел в южном и северном направлениях, следуя течениям рек Восточно-Европейской равнины, соединявшей между собой разбросанные среди лесов и болот небольшие государства-волости. По этому пути с юга, из Византии, христианство стало проникать на Русь задолго до того, как оно утвердилось на Севере» [4. С. 46–47].

Традиционная русская культура развивалась в условиях существования многонационального государства, занимающего огромное пространство Восточно-Европейской равнины, в пределах которой осуществлялась медиация «токов» двух начал – двух традиций – не Востока и Запада, не Азии и Европы, но Юга и Севера. Истоки русской культуры укоренены в базовых традициях Византии и Скандинавии, которые выработали систему ценностей и определенный тип мировоззрения, задающие вектор направленности культуротворческой и социополитической деятельности русских людей.

Византия и Скандинавия сформировали традиционные основы русской духовности, общественно-социального устройства Руси и ведущей идеологии государства. Если Скандинавия передала Руси новую модель организации социальной жизни граждан и схему (образец) военно-дружинного устройства государства, то Византия непосредственно повлияла на формирование системы жизненных ценностей и смысловых основ русской духовности посредством принятия Русью восточной ветви христианства – православия, распространения славянской письменности и передачи византийского теократического идеала власти. Обращение Древней Руси к старославянскому языку, воспринятому от равноапостольных Кирилла и Мефодия, имело непреходящее значение для исторических судеб русской культуры. Старославянский язык русской культуры объединил этнос и способствовал образованию духовной интеллигенции.

Выбор принципиально новой веры для Руси в 988 г. был жизненно необходим: государство – Русь не могло быть создано без определения единого духовного пространства. Бесконечно-беспредельная территория Руси требовала введения не механической реформы объединения локальных божеств в Киевском пантеоне, но принятия универсальной монотеистической религии, способствующей осуществлению культурной самоидентификации Руси в ис-

торическом пространстве мировых цивилизаций. Выбор христианской религии для древней Руси отражал необходимость геополитического самоопределения древнерусской народности в координатах Запад – Восток и Север – Юг, который приобретал не только географический, но и культурно-религиозный и политический смыслы.

Крещение Руси в 988 г. определило характер развития нового феодально-монархического государства – Киевской Руси. Крещение православной верой было не просто принятием системы византийских обрядов, православие выступило в роли базовой культурной традиции, которая, выработав определенную систему ценностей, сформировала образ жизни русских людей. Культурное содержание крещения Руси, с одной стороны, сводилось к поиску религиозной формы политических и социально-экономических процессов образования Киевского государства, с другой – способствовало приобщению Руси к культуре христианизированных стран Европы. Принятие христианства следует воспринимать как основное событие, связанное с принципиальным культурно-историческим выбором национального пути развития независимой Руси.

Ценностное ядро русской традиционной культуры образовано идейными установками византийского христианства – православия, смысловой доминантой которого выступает приоритетное развитие духовных ценностей. На Руси духовные ценности являются выражением сущностных основ развития вселенского и человеческого бытия. Утверждение значимости духовных ценностей онтологически укоренено в опыте веры – православие актуализирует новые жизненные смыслы и нравственные идеалы Христовой любви к человеку призывом к покаянию в таинствах соборной Церкви. Религиозное таинство православной церкви – соборование в русском варианте трансформировалось в мощный социокультурный инструмент формирования национального самосознания русских людей. Художественным символом соборования Древней Руси стала чудотворная икона Андрея Рублева «Троица» (XV в). Андрей Рублев в красках иконы передал безмолвную молитву, выразившую любовь, единение и веру в спасение в образе Живоначальной Троицы.

Духовные ценности православия выступают требованием сохранения идеалов должного в нравственности и во всех сферах человеческой жизни. Православная квинтэссенция должного отношения к другому человеку выражена в Нагорной проповеди Христа: «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» [5. С. 9]. Понимание истинности христианского учения сопрягается с веротерпимостью и с толерантным отношением к инакомыслию. Культурный потенциал христианства выражен в сочетании веры в спасительность Божественного Откровения и в опыте действенной любви к человеку.

В перспективе Евангельских проповедей любой человек вне зависимости от религиозно-конфессиональной принадлежности становится «ближним», посредством чего преодолевается ветхозаветное представление о богоизбранности одного народа. В христианской религии каждый человек через веру получает право и власть быть Божиим чадом. В Евангелии от Иоанна сказано: «А тем, которые приняли Его, верующие во имя Его, дал власть

быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились» [6. С. 111]. Православие для русских людей явилось учением жизни, которое выработало характерное стремление к обретению нравственного смысла человеческого бытия, трансформированное в сознании человека в общекультурную идею преображения мира силою любви, милосердия и сострадания.

Становление христианского мировоззрения в период Средних веков совпало с трагическими испытаниями русской истории (феодальная раздробленность, междоусобные споры, столкновения с кочевниками и монголо-татарское иго), эти события способствовали укоренению в сознании русских людей чувства исторического пессимизма и эсхатологизма. Именно поэтому в русской ментальности преобладающими установками выступают: 1) апология бесконечной терпимости и фатального подчинения кресту; 2) подчинение личной жертвы всеобщему благу; 3) смиренное отношение к произволу, страданию, попранию свобод и прав личности. В отечественной истории даже монголо-татарское иго воспринималось русским народом как Божий гнев, как искупление исторических грехов государства и покорное принятие креста – судьбы.

Названные черты национальной топики: долготерпение и героическое самопожертвование – были заложены в «тело» русской культуры уже в Сказании о Борисе и Глебе (XI в.) – жизнеописании первых русских святых подвижников веры. В произведениях древнерусской литературы: Повести временных лет (XI в.), Слове о полку Игореве (XII в.), Слове о гибели Русской земли (XIII в.), Задонщине (XIV в.) – были поэтизированы и сакрализированы жертва и подвиг.

Историческое развитие русской культуры представляло собой постоянное чередование событий, основанных на героическом подвиге и терпеливой жертве святых. Подобное сближение ратного подвига русского князя и отшельнического подвижничества русской святости было характерно для всех периодов развития русской культуры. Отечественный мыслитель А.М. Панченко в работе «Русская культура в канун Петровских реформ» писал о том, что «Россия ставит героизм выше одоления, а самопожертвование и самоотречение выше силы. Именно поэтому в качестве символов избирались не легкие, а тяжелые, жертвенные победы: подвиг и жертва неразделимы» [7. С. 201]. Ключевой основой древнерусской ментальности выступала глубокая вера в торжество добра, истины-правды и справедливости.

Фундаментальная истина византийского православия «Бог есть добро» определила специфику архетипов русской ментальности, базовым из которых является святость. Традиция святости выступает онтологической базой исторического развития русской культуры XI–XVII вв. Русь воплотила в себе христианский идеал смирения – принятия судьбы и жертвенности, необходимый для преображения плоти, в нем выражена «радость окончательной победы Богочеловека над зверочеловеком, введение в храм всего человечества» [8. С. 202]. Сама Русская земля стала ассоциироваться с воплощением духа святости – нравственной чистоты, кротости и милосердия. Знаменитые подвижники христианской веры Феодосий Печерский, Сергей Радонежский, Нил

Сорский, Тихон Задонский и Серафим Саровский дали новое имя Русской земле – «Святая Русь».

Русь унаследовала от Византии идеал христианской святости – «кенозис» – идеал нравственной чистоты, смирения и всепрощения, который стал важной частью русской души. Кенотипическая святость в византийской и русской традиции представлена тремя установками житийного канона: 1) уходом от страстей и мирской суеты; 2) проникновенным отношением к евангельским заповедям Христа; 3) стремлением обрести спасение – вечную жизнь силою молитвы и поста. Искоренение греха постом и молитвой приводит человека к особой Божьей благодати – святости, сопровождающейся способностью к чудотворению.

Первые века исторического развития Древней Руси связаны с именами Антония и Феодосия Печерских, которые явили миру образец истинного благочестия, подлинной деятельной любви и сострадания к людям. Святые Антоний и Феодосий Печерские заложили духовные основы развития русской традиции православного монашества, именно они основали Киево-Печерскую лавру. Идеал христианской святости в национально-культурном варианте России объемлет в себе две великие силы – строгость и милость. Антиномия строгости и милости, суровости и ласковости ярко выражена в церковном искусстве России: в иконописании явлено соединение благостного и милосердного лика Рублевского «Спаса» с суровым огненным взором византийских и русских образов «Спас – Ярое Око» и «Христос – Пантократор» Феофана Грека.

Ядром русской православной духовности выступало учение исихастов, основанное на утверждении ценности монашеской аскезы – отказа от земных радостей во имя постижения Бога. Исихазм, зародившийся в Средние века в монастырях Синая и Афона, был основан на трех ключевых постулатах:

- 1) вера в реальность Богообщения и Богооткровения;
- 2) вера в саму возможность видения Божественного (Фаворского) света в глубине человеческого сердца;
- 3) вера в свершение чуда «обожения человека» силою молитвы, духовной работы и благодатью божественных даров: «Бог вочеловечился, чтобы человек обожился» (св. Афанасий Великий).

В учении исихастов были представлены три онтологические установки духовного подвижничества, традиции которого выражали сущность монастырской культуры Древней Руси XI–XVII вв.:

- 1) истинная праведность, основанная на чистоте сердца перед лицом Бога;
- 2) уход от мирских страстей, находящий свое реальное воплощение в обретении нравственных основ человеческой жизни;
- 3) стремление к духовному целомудрию – уединение и безмолвный покой, необходимый для исполнения ключевой потребности человеческой души – общения с Богом.

Историческое развитие русской святости было насыщено коллизиями и различными испытаниями. Не случайно отечественный мыслитель Г. Федотов высказал мысль о «трагедии древнерусской святости», представленной в противостоянии «нестяжателей» и «иосифлян». Первый тип святости – «нестяжание» – был представлен в образе и учении святого Нила Сорского, ко-

торый соответствовал раннехристианскому восточному мистицизму и традициям исихазма. Данный вариант святости был основан на любви, кротости и всепрощении. Духовная жизнь «заволжцев» протекала в отрешенном созерцании, духовном самоуглублении и «умной» молитве. «Нестяжатели» предпочитали собственную бедность милостыне и защищали духовную свободу независимую от материальных и имущественных ценностей – их идеалом было духовное подвижничество.

Второй тип святости Древней Руси – «осифлянство» – был связан с личностью святого Иосифа Волоцкого, он был основателем и игуменом Волоколамского монастыря. Смысл его учения заключался в установлении связи с действующей политико-идеологической и морально-духовной властью. Иосиф Волоцкий выступал сторонником укрепления централизованной государственной системы самодержавия и способствовал возвышению Ивана III как «государя всея Руси». Начало мистической жизни и подлинно духовной свободы противопоставлено обрядовому благочестию и уставной молитве «осифлян». «Осифлянство», оказав национальные услуги укреплению русской государственности, обозначило тем самым начало процесса десакрализации духовной жизни Руси.

Прорыв к сокровенным истинам мира для русских людей стал возможен в образе православной веры. Религиозное искание абсолютного добра, соединенное с традицией святости, духовного подвижничества и с таинством соборования – единения русских людей и создания духовной общности Руси выступало символом национального пути постижения Божественной мудрости и основным механизмом духовно-нравственной саморегуляции русской культуры. В ходе тысячелетней истории православие стало духовной основой русской ментальности. Глубинная роль православия выражена не столько в исторической памяти народа, сколько в духовно-нравственных перспективах сохранения будущего России.

Литература

1. Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М.: Аспект Пресс, 1997. 688 с.
2. Послание Апостола Павла к Галатам // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1997. 1241 с.
3. Бердяев Н.А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. 528 с.
4. Экономцев И. (Протоиерей Иоанн). Православие. Византия. Россия. Париж YMCA – PRESS, 1989. 297 с.
5. Евангелие от Матфея // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1997. 1241 с.
6. Евангелие от Иоанна // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1997. 1241 с.
7. Панченко А.М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л.: Наука, 1984. 205 с.
8. Трубецкой Е. Умозрение в красках: Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи // Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв.: Антология. М.: Прогресс: Культура, 1993. 400 с.